

Ян ВАСЛАВСКИЙ

АГРЕГИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА: ПАРТНЕРСТВО ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА В СТРУКТУРИРОВАНИИ ПОСТКОРОНАВИРУСНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Пандемия COVID-19 нанесла серьезный ущерб национальным социально-экономическим системам, вызвав глубочайшую со времен Великой депрессии экономическую рецессию. Социальная реальность разделилась на период до COVID-19 и после него. Пандемия обернулась серьезным испытанием для институтов государства, систем национального здравоохранения, экономико-центристских национальных сообществ, национальных моделей агрегирования общественного выбора. Посткоронавирусная реальность начнет формироваться по окончании пандемии COVID-19 и будет строиться на иных принципах функционирования. Именно поэтому уже сегодня и теоретики, и практики задумываются о будущем посткризисного мира, отличительной чертой которого является полная неопределенность. Методологические подходы, разработанные новой политической экономией, позволяют переосмыслить феномен партнерства государства и бизнеса как механизма, позволяющего оценить эффективность альтернативных вариантов институциональной структуры новой реальности, функций государства в обществе с общечеловеческими ценностями в его основе, в моделях агрегирования общественного выбора и т.п. с учетом реалий посткоронавирусного мира.

Ключевые слова: институт государства, национальная система здравоохранения, общественный выбор, пандемия коронавируса, структура посткоронавирусного мира

JEL: E22, H54

Быстрое распространение коронавирусной инфекции в 2020 г. по странам и континентам стало реальным шоком для всего глобального сообщества. Перед человечеством была поставлена *фундаментальная проблема* спасения человеческих жизней, затронувшая не только все страны мира, но и глобальные организации типа Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), Международного валютного фонда (далее – МВФ), Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития и др. Впервые проявившись в декабре 2019 г. в китайском городе Ухань, уже в середине марта 2020 г. коронавирусная

инфекция приобрела все признаки пандемии. Она сопровождалась экспоненциальным ростом числа людей, заразившихся *COVID-19* и умерших от этой инфекции. Столь стремительно распространившийся по странам вирус отразился на всех сферах жизнедеятельности человека. Растущие человеческие потери в связи с летальными исходами заразившихся коронавирусом (см. рис. 1) поставили под вопрос способность систем национального здравоохранения противостоять пандемии *COVID-19*.

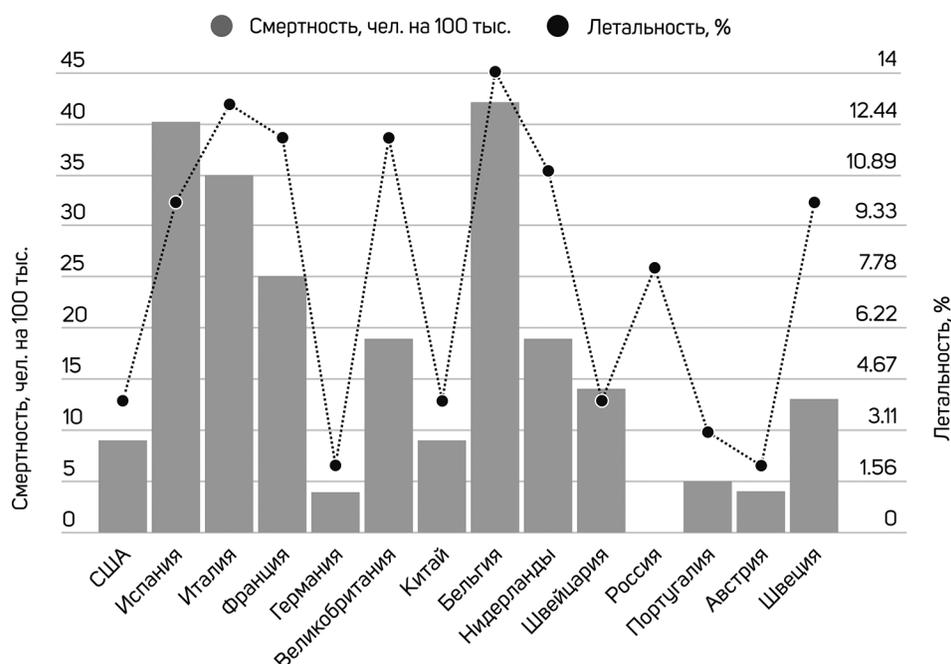

Рис. 1. Динамика летальных исходов инфицированных *COVID-19* в ряде стран мира (апрель 2020 г.)

Источник: [1; 2].

Многие национальные системы здравоохранения оказались не в состоянии быстро адаптироваться к экстремальным условиям борьбы с неизвестной инфекцией, угрожающей жизни людей. Высокая смертность от коронавируса вызвала массу вопросов к институту государства, важнейшей функцией которого является защита жизни и здоровья своих граждан. В период пандемии неэффективными оказались формальные институты, созданные государством для обеспечения взаимодействия между обществом и государством, индивидом и обществом, гражданином и государством.

В результате 2020 г. разделил историю развития человечества на период до пандемии *COVID-19* и после нее. Вновь актуальными стали слова К. Рейнхарт и К. Рогоффа «На этот раз все будет иначе» [3]. Уже в апреле стало очевидно, что в новых условиях общество будет существенно отличаться от того, которое было до *COVID-19*. В этом были единодушны как политические лидеры, так и практики, как бизнесмены, так и простые граждане. Неслучайно высшее руководство стран,

в которых пик заболевания населения коронавирусом уже пройден, а также представители международных организаций всерьез задумываются, каким должен быть новый мир после *COVID-19*. И речь идет не только об охране здоровья в экстремальных условиях пандемий, сокращении безработицы и росте реальных доходов граждан.

Важнейшими для будущих национальных сообществ становятся *проблемы реструктурирования взаимосвязей* государства, общества, бизнеса и домохозяйств с учетом кардинальных изменений в самосознании социума и в оценках качества выполнения государством функций, которые общество изначально вменило ему в обязанность. Эти поставленные пандемией коронавируса вопросы остаются открытыми и ответы на них требуют глубоких теоретических разработок и переосмысления сложившейся до *COVID-19* социальной реальности. Неопределенность будущего экономического, социального, политического мира после пандемии и роли государства в нем выразил профессор А. Аузан словами Д. Норта: «Суд удалился на совещание и еще не вернулся» [4]. Учитывая все вышесказанное, автор использует методологические подходы новой политэкономии [5] к трактовке функций государства в посткризисном мире после окончания пандемии *COVID-19* и механизмов государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) в качестве тестовой базы адекватности агрегирования государством предпочтений всех заинтересованных сторон в процессе формирования общественного выбора. При этом институт ГЧП может быть использован как инструмент, позволяющий оценить качество конкретных политико-экономических решений государства и таким образом участвовать в формировании новой социальной реальности в национальных сообществах после пандемии *COVID-19*.

Пандемия COVID-19 и фундаментальные проблемы глобального сообщества

Все началось незаметно, и никто не ожидал, что последствия коронавирусной инфекции будут столь устрашающими для всего глобального сообщества. В начале 2020 г. китайские власти объявили о вспышке новой коронавирусной инфекции в г. Ухань, которая стала быстро распространяться по странам мира. 11 марта ВОЗ объявила о пандемии *COVID-19*. Уже на конец апреля 2020 г., по данным Университета Джонса Хопкинса (*Johns Hopkins University, USA*), обобщающего данные на основе официальных источников стран мира, число заболевших *COVID-19* в мире превысило показатель в 3 млн чел. Число выздоровевших пациентов составило около 1 млн чел., а летальные исходы преодолели отметку 200 тыс. случаев. Охват стран коронавирусной инфекцией оказался глобальным, поскольку заражение зафиксировано в 185 странах. По данным на конец апреля, наибольшее испытание *COVID-19* выпало на долю США (более 1 млн инфицированных), Испании и Италии (более 200 тыс. для каждой страны). Однако и другие страны мира столкнулись с большим количеством зараженных *COVID-19* и летальных исходов.

Стремительное распространение коронавирусной инфекции оказалось неожиданным для глобального сообщества. При этом реакция государств, а точнее принимающих политические решения лидеров, различалась скоростью осознания угрозы и набором экстренных мер защиты здоровья и жизни граждан. За редким исключением (например, Сингапур, Южная Корея и др.), многие национальные государства *медлили с принятием политических решений* относительно приведения национальных систем здравоохранения в «боевую готовность» для борьбы с вирусом *COVID-19*. Такая задержка во времени — одна из причин столь быстрого распространения коронавирусной инфекции в глобальных масштабах и увеличения числа инфицированных и умерших пациентов. К этому следует добавить феномен «несерьезного» отношения граждан к возможности заражения, что косвенно дублировало антивирусную политику государств в начальный период распространения инфекции.

Однако с определенным лагом во времени практически все государства постепенно стали вводить на своих территориях частичные или полные режимы ограниченной или полной самоизоляции граждан (карантины), вплоть до объявления режима чрезвычайной ситуации в связи с распространением коронавируса *COVID-19*, как это сделал 13 марта 2020 г. президент США Д. Трамп.

С введением чрезвычайных положений в странах мира основное испытание в борьбе с коронавирусом было переложено на плечи национальных систем здравоохранения. Ответственным за охрану жизни и сохранение здоровья граждан является государство, которое уполномочено обществом обеспечивать предложение этого общественного блага институционально и финансировать его из государственного бюджета. В результате *национальная система здравоохранения превратилась в важнейший национальный институт*, который вменен обществом в обязанность государства и на финансирование которого выделяется часть национального дохода.

Но ситуация с экспоненциальным ростом числа инфицированных *COVID-19* и летальных исходов продемонстрировала неспособность национальных систем здравоохранения своевременно и эффективно купировать распространение вирусных инфекций, иметь в наличии все необходимые средства и аппаратуру, включая аппараты искусственной вентиляции легких (далее — ИВЛ), позволяющую на ранней стадии выявлять инфицированных и успешно лечить заболевших, изолируя их от здоровых людей. К этому добавилась нехватка больничных мощностей, соответствующей аппаратуры для лечения заразившихся *COVID-19*, врачей-инфекционистов, младшего медицинского персонала, средств индивидуальной защиты лечебного персонала, не говоря уже о системе предотвращения массового заражения населения и т.п. Усугубилась проблема отсутствия необходимых объемов систем тестирования носителей коронавирусной инфекции и научных разработок в сфере вирусологии для скорейшего получения эффективной вакцины в целях лечения инфицированных *COVID-19*. И быстро решить эти проблемы оказались *не в состоянии* ни национальные государства, ни совместные усилия стран, ни глобальные организации.

Фактически каждая страна оказалась один на один с растущей угрозой распространения коронавирусной инфекции, необходимостью авральной мобилизации внутренних медицинских, технологических, экономических и финансовых ресурсов и введения чрезвычайного положения. В этих условиях пандемия выявила ряд фундаментальных проблем организации национальных сообществ, а также глобальной и региональной интеграции, одна из которых связана с *неэффективностью государства* в его функции обеспечения своих граждан общественными благами, к которым относится прежде всего система здравоохранения. При этом впервые за последнее столетие вирус *COVID-19* сделал первостепенной среди приоритетов политики государства жизнь человека и его непререкаемую первоначальность в национальном социуме.

Именно в этой связи растет актуальность теоретических разработок относительно структурирования новой институциональной реальности, адекватной новым условиям жизнедеятельности общества после окончания пандемии *COVID-19*. Неслучайно шеф-экономист МВФ Г. Гопинат назвала вызванную коронавирусом глобальную рецессию «Великой самоизоляцией», или «Великим карантином» [6]. В этих условиях актуализировалась фундаментальная проблема значимости человека как *human being*, его жизни и роли в качестве человеческого (интеллектуального) капитала в новейшей экономике (с позиций экономической оценки человеческой жизни [7]), а также в структурировании будущей социальной реальности. Отсюда логически следует теоретическая и практическая проблема адекватности национальных моделей общественного выбора и степени агрегирования ими индивидуальных предпочтений. Это обусловлено тем, что экспоненциальный рост числа заболевших коронавирусом граждан и высокий процент летальных исходов свидетельствуют об искаженном в целом отражении предпочтений граждан в процессе агрегирования государством общественного выбора в части предложения таких общественных благ, как здравоохранение. В результате возникают серьезные претензии к институту современного государства, которое должно эффективно выполнять свои функции не столько в интересах акционеров (*shareholders*) крупнейших корпораций, сколько с учетом предпочтений всех заинтересованных членов социума (*stakeholders*) [8]. Такова социально-экономическая подоплека проблем современного общества, которые обнажила пандемия *COVID-19* на планете, угрожая самой главной ценности национальных социумов – жизни людей.

Агрегирование общественного выбора в условиях неопределенности коронавирусной реальности

Неспособность национальных систем здравоохранения эффективно противостоять коронавирусной инфекции вынуждает национальные сообщества вернуться к *теоретическому переосмыслению функций современного государства* в сфере тех общественных благ, которые непосредственно обеспечивают жизнедеятельность человека. Прежде всего речь идет об охране здоровья людей, вмененной в обязанность государств и финансируемой обществом из государственного бюджета. Если с те-

оретической точки зрения жизнь человека представляет собою высшую ценность для общества, то ее защита и охрана должна быть приоритетом при принятии государством политических решений в сфере жизнедеятельности общества, включая экономику. На деле же оказалось, что национальные государства и созданные ими системы здравоохранения неадекватны этим фундаментальным требованиям, что стало очевидным по результатам борьбы национальных медиков с коронавирусной инфекцией *COVID-19*.

Методологические подходы новой политической экономики [9; 10; 11] позволяют переосмыслить механизм агрегирования государством индивидуальных ценностей и структурирования им общественного выбора в сфере здравоохранения граждан. В целом перспективность политико-экономического исследования социальных явлений предопределяется тем, что в них отражается гармоничность сочетания политики и экономики (или экономики и политики). Другими словами, решения, принимаемые политиками, например, в сфере здравоохранения, однозначно *включают общественный выбор, агрегируемый государством* из многочисленных альтернатив, структурированных группами носителей индивидуальных предпочтений. При такой трактовке может быть сделан вывод о том, что все чрезвычайные (экстраординарные) меры, предпринятые государствами как реакция на экспоненциальное распространение смертельно опасной инфекции, могут вполне объективно расцениваться как неадекватные политические решения в сфере общественных благ и искаженное агрегирование индивидуальных предпочтений граждан конкретно в системе национального здравоохранения.

В результате, оценивая ход борьбы с *COVID-19* в мире, представители новой политической экономики единодушны с другими теоретиками в том, что в будущем в экономической политике национальных государств произойдут фундаментальные изменения, касающиеся торговых отношений, таможенного контроля, здравоохранения, готовности экономики к чрезвычайным условиям функционирования, международных отношений, занятости, социального благополучия (*social welfare*) и т.п. Неслучайно, что национальные страховые компании уже сейчас проводят аналогии между *COVID-19* и обстоятельствами кибервойны (*cyber warfare*) и поднимают проблему защиты в условиях кибервойн.

Политэкономия ставит вопрос *о качестве внутренней национальной политики*, поскольку граждане имеют все основания ожидать эффективной реакции государства на чрезвычайные угрозы, одной из которых и стала коронавирусная пандемия. Действия чиновников и рядовых граждан, политика федеральных, региональных и местных властей и просто непосредственный опыт борьбы с пандемией уже изменили привычную жизнь общества [12]. Условия работы изменились в сторону усиления значимости удаленной работы, цифрового общения, требований к оснащению рабочих мест, к правовому обеспечению прав временно занятых работников, а также растущему слою фрилансеров и т.п. Другими словами, быстрое распространение коронавирусной инфекции объективно расширило масштабы цифровой экономики и социума, а, следовательно, изменило требования к роли государства

в обществе, к политике в сфере экономики, а также к механизмам, используемым государством для агрегирования общественного выбора. Это тем более важно, т.к. коронавирусная пандемия выявила неэффективность политических решений в части организации национальной системы здравоохранения, что поставило под удар жизни миллионов граждан независимо от их уровня доходов. И причиной этого стали государственные просчеты, предопределившие неспособность медиков быстро купировать последствия глобальных эпидемий и чрезвычайных ситуаций на примере их борьбы с пандемией *COVID-19*.

В *таблице 1* приводятся лишь некоторые данные, позволяющие оценить результаты политических решений ряда государств в сфере национальных систем здравоохранения с позиций их потенциальной готовности к чрезвычайным ситуациям подобного типа. По данным ВОЗ, коронавирусная инфекция, особенно *COVID-19*, опаснее гриппа, поскольку пятой части всех инфицированных, как правило, требуется госпитализация, у 5% из них болезнь протекает в тяжелой форме с обязательным применением интенсивной терапии, а для 1–2% пациентов требуются аппараты ИВЛ.

Т а б л и ц а 1

Оценка готовности некоторых национальных систем здравоохранения к пандемии COVID-19 (по состоянию на 08.04.2020 г.)

	Заразилось <i>Covid-19</i> , тыс. чел	Умерло от <i>Covid-19</i> , % от числа заболевших	Врачей, на 100 тыс. населения	Коек, на 100 тыс. населения	Коек интенсивной терапии, на 100 тыс. населения
Россия	10	1	479	797	8
США	396	3	280	277	35
Испания	142	10	390	297	10
Италия	136	13	400	318	13
Германия	108	2	430	800	29
Франция	109	9	320	598	12
Китай	82	4	200	434	4
Иран	63	6	н/д	150	н/д
Великобритания	56	11	260	254	7

Источник: [13].

По оценкам Центра по контролю и профилактике заболеваний (федерального агентства министерства здравоохранения США – *CDC*), такими коронавирусами может заразиться до 30–40% популяции. При этом за последние несколько лет расходы бюджетов государств на национальные системы здравоохранения постоянно сокращались, и в 2018 г. их доля в ВВП оценивалась показателями, приведенными на *рисунке 2*.

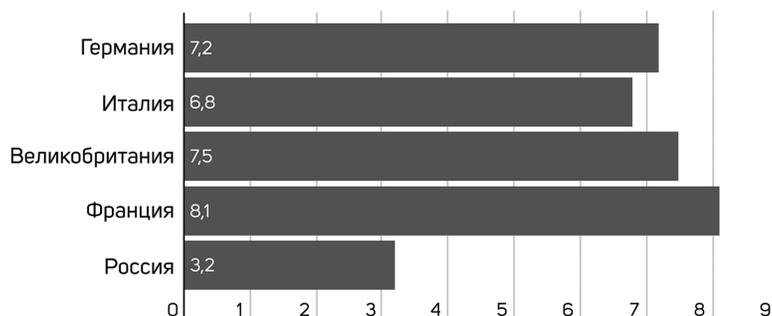

Рис. 2. Бюджетные расходы некоторых государств на финансирование системы национального здравоохранения в 2018 г. (% от ВВП)

Источник: [14; 15].

Что касается США, то в апреле 2020 г. в самый разгар пандемии *COVID-19* в мире в американских СМИ – *Forbes*, *The Washington Post*, *Harvard Business Review*, *Vox* – были опубликованы статьи, смысл которых выражался следующими заголовками: «Америка не готова к эпидемии», «Коронавирус вскрыл слабые места в системе здравоохранения США» [16]. Практически в то же время Р. Редфилд, ученый-вирусолог, директор *CDC*, присоединился к негативным оценкам готовности США бороться с пандемией коронавирусной инфекции.

The Washington Post отмечает, что последние 15 лет расходы бюджета на подготовку американского здравоохранения к функционированию в чрезвычайных ситуациях постепенно сокращались. Если в 2003 г. бюджетное финансирование двух ключевых федеральных программ, отвечающих за это, планировалось на уровне 1,4 млрд долл. США, то в 2020 г. оно сократилось до 662 млн. В 2018 г. советник Д. Трампа по национальной безопасности Д. Болтон упразднил комитет по борьбе с эпидемиями в Совете национальной безопасности. В феврале 2020 г., спустя почти три недели после первого зарегистрированного случая *COVID-19*, в США бюджет подразделения *CDC*, занимающегося проблемой пандемий, был урезан на 693,3 млн долл., что равноценно примерно 9% от 7,7 млрд долл.

Между тем еще в январе–августе 2019 г. широкомасштабные учения «Багровое заражение» продемонстрировали неготовность национальной системы здравоохранения США работать в условиях пандемий. Как и в случае *COVID-19*, во время учений проявилась нехватка медицинского оборудования и невозможность быстро увеличить его производство. На начальной стадии распространения пандемии *COVID-19* в США медики столкнулись в первую очередь с острой нехваткой систем для тестирования людей на коронавирус. *CDC* предпочло создавать собственные тесты вместо рекомендованных ВОЗ. Время было потеряно на разработку и повышение качества первых образцов тестов на коронавирус. Кроме того, процедура широкомасштабного тестирования была бюрократизирована и оказалась достаточно дорогой для рядовых американцев. Только к 6 марта 2020 г. лаборатории *CDC* получили качественные тесты для 75 000 чел., а дополнительные 1,1 млн тестов поступали в негосударственные медицинские лаборатории. К апрелю 2020 г. США

удалось довести количество тестов на душу населения до уровня мировых лидеров — Италии и Южной Кореи. По данным сайта *Covidtracking.com*, 10 апреля в стране было сделано около 2,4 млн тестов, что составило 730 шт. на 100 тыс. американцев. Американские штаты столкнулись с неразберихой в разделении компетенций региональных и федеральной властей в борьбе с пандемией. Фактически учение «Багровое заражение» 2019 г. продемонстрировало острые проблемы в здравоохранении США, которые и проявились по мере распространения коронавирусной инфекции в стране в марте–апреле 2020 г.

Помимо этого, США столкнулись с нехваткой практикующих врачей. По данным *Peterson-KFF Health System Tracker*, на 1 тыс. американцев приходится 2,6 врача по сравнению с 2,8 на 1 тыс. граждан — в Великобритании, более 3 — в Бельгии, Франции, Нидерландах, Австралии и Испании, больше 4 — в Италии, Швеции, Германии и Швейцарии.

Еще более острой проблемой в борьбе с пандемией стала нехватка больничных мощностей. США значительно уступали европейским странам по количеству койко-мест (около 3 на 1 тыс. чел.). В Испании и Италии это соотношение было чуть больше, а в Бельгии и Франции существенно больше (около 6 на 1 тыс. чел.), не говоря уже о Германии (около 8 на 1 тыс. чел.). По данным *Harvard Business Review*, ни государственные системы страхования США, ни тем более частные страховые системы не оплачивали резервные мощности больничных центров, что и вынудило американские больницы сократить их. В итоге 13 марта 2020 г. после объявления чрезвычайной ситуации в США губернатор штата Нью-Йорк Э. Куомо предупредил, что почти 80% отделений интенсивной терапии в Нью-Йорке уже заполнены. *The Washington Post* писала, что Массачусетская больница общего профиля в Бостоне — одна из крупнейших в стране, получающая финансирование из федерального бюджета, может увеличить количество мест для больных не более чем на 20%. Эта проблема оказалась типичной для подавляющего большинства стран мира. В результате национальные государства вынуждены были в авральном режиме возводить новые мощности для инфицированных *COVID-19*, уплотнять больных в действующих клиниках, привлекать частные больничные учреждения. И это в условиях растущего числа заболевших коронавирусом и количества летальных исходов.

Россия не стала исключением из общего правила. По данным Росстата, за период с 2013 до 2019 гг. количество младших медработников сократилось до 265 тыс. чел. (в 2,6 раза), среднего персонала — до 1,314 млн чел. (на 9,3%), врачей — до 704 тыс. чел. (на 2%), инфекционистов — до 6 884 специалистов (на 10%). С 1990 по 2019 гг. число коек инфекционного профиля сократилось со 140 тыс. до 59 тыс. (почти в 2,4 раза). При этом количество инфицированных сократилось незначительно. По оценкам Росстата, серьезная инфекция (исключая туберкулез и венерические заболевания) в 1990 г. была зафиксирована у 4,4 млн чел., а в 2018 г. — у 3,5 млн. В результате нагрузка на профильного врача выросла за анализируемый период более чем вдвое, и это сказалось на смертности от инфекций. Если в 1990 г. умирали 0,35% инфекционных больных, то в 2018 г. — 0,82%. В итоге, по статистике ВОЗ, Россия среди стран мира по уровню смертности от инфекций заняла 87-е место. Неудивительно,

что проблемы функционирования национальной системы здравоохранения в условиях пандемии российское государство также вынуждено было решать в авральном режиме, учитывая экспоненциальный рост инфицированных *COVID-19* с середины апреля 2020 г.

Итак, в целом пандемия *COVID-19* продемонстрировала неготовность национальных государств в части подготовки систем здравоохранения к упреждению событий, угрожающих жизни людей и связанных с чрезвычайными случаями эпидемий или других природных катаклизмов. Очевидными становятся экономические приоритеты в политике государств и в механизмах агрегирования ими общественного выбора даже в тех сферах, которые связаны с общественными благами типа здравоохранения граждан. Однако пандемия предопределила новые приоритеты будущих социумов, ставящих во главу угла политических решений государств человеческие жизни и человека с его индивидуальными ценностями и предпочтениями при оценке эффективности экономики и политики в различных сферах.

Неопределенность будущего: теоретические подходы к трактовке посткоронавирусной реальности

Учитывая все вышесказанное, представители новой политической экономики углубляют проблему конструирования посткоронавирусной реальности за счет ее институциональной составляющей. И это неслучайно, поскольку важнейшей миссией государства была, есть и определено будет институционализация вертикальных и горизонтальных отношений в обществе. При этом именно ее значимость в посткоронавирусном мире возрастает многократно. Это утверждение идет в русле теоретических разработок ученых и учитывает исторические реалии развития национальных социумов. Эффективные формальные институты, специфицированные государством, призваны обеспечивать целостность и динамическое равновесие социально-экономических систем. В этом контексте политэкономы настаивают на необходимости переосмысления новейших событий, связанных с *COVID-19*, с учетом функционального предназначения государства институционально обеспечить способность общества противостоять любым чрезвычайным событиям с минимальными для него потерями. С точки зрения национальных сообществ именно эта обязанность государства становится важнейшей, и с позиций ее эффективного выполнения общество должно судить о значимости доли национального дохода, которую оно должно перераспределять в государственный бюджет.

Другими словами, на первое место в оценке роли государства, его политики в сфере экономики, социальной жизни и агрегированного им общественного выбора выходит отдача от масштабов государственных финансов для общества. В формирующейся новой реальности переосмысления требует и проблема сопоставления с точки зрения социума значимости перераспределения национального дохода государством и его производства экономическими агентами. Другими словами, речь идет о трактовке изменения качества взаимосвязей между государством и обществом, а также между государством — обществом — рядо-

выми гражданами. И значимость понимания этих фундаментальных взаимоотношений трудно переоценить, поскольку сфера вмешательства государства в социум постоянно видоизменяется, в основном за счет вменения в его обязанности функций, число которых постепенно увеличивается. Между тем их структура и приоритетность для общества будет существенно меняться в посткоронавирусной реальности.

С точки зрения классического подхода Р. Масгрейва, все функции государства концентрировались вокруг производства и предложения общественных благ [17]. М. Блауг описывает их свойства следующим образом: «...Особая природа общественных благ заключается в том, что их потребление может быть только совместным и равным: чем больше достается одному домохозяйству, тем больше, а не меньше, достается любому другому» [18]. Углублением этого представления можно считать конкретизацию функций государства представителями институциональной теории. Д. Норт и его последователи специфицировали обязанности государства как агентства, которое обменивает общественные блага и услуги, подобные здравоохранению, на налоги и иные обязательные платежи как части национального дохода, которую общество перераспределяет в государственный бюджет. Другими словами, государство, вызванное к жизни человеческим сообществом, осуществляет подчиненную его интересам деятельность за его счет, т.е. налогов, которые поступают от экономических субъектов в казну государства. Если современное государство реализует неадекватные политические решения в сфере их производства и таким образом искажается агрегирование общественного выбора, то государство должно трансформироваться в контексте его функций и процедуры агрегирования им индивидуальных ценностей. Такая реструктуризация вертикали современных социумов требует фундаментальных теоретических разработок и переосмысления политических решений государства, в первую очередь в сфере экономики. Большая роль в этом контексте принадлежит институциональной теории, у основания которой стояли Д. Норт [19] и его последователи [20; 21]. Именно институциональная составляющая активности государства, опосредующего обмен общественных благ и услуг на налоги и иные обязательные платежи в государственный бюджет, должна подвергнуться переосмыслению.

Однако главная проблема заключается в том, что будущий мир после *COVID-19* кажется сегодня полной неопределенностью. Это связано с тем, что по окончании пандемии в той или иной степени изменятся все стороны жизни общества. Это произойдет за счет закрепления масштабной цифровизации во всех его сферах: изменятся система здравоохранения, организация рыночного спроса и предложения товаров и услуг, механизмы оптовых и розничных продаж, способы развлечения и коммуницирования людей; модифицируются компании и государственные учреждения, возникнут новые сегменты в структуре рынка труда, востребованными станут новые услуги на финансовых рынках, новые образовательные технологии и т.п. Новым содержанием наполнится активность государства, интересы доминирующих общественных групп, компаний, граждан, сфера деятельности самозанятых и т.п. Это скажется на всех сторонах жизнедеятельности национальных сообществ. Однако конкретные формы воплощения будущей посткоронавирусной реальности

сегодня точно предсказать никто не может. Причем понимание закономерностей прогресса общества в его новой посткоронавирусной реальности во многом будет зависеть от плодотворной интеграции усилий теоретиков, государственных лидеров и практиков как на национальном уровне, так и на уровне интеграционных группировок и глобальных организаций.

Как уже отмечалось, пандемия *COVID-19* поставила на повестку дня фундаментальную проблему будущего экономического, финансового и социального мира на национальном и глобальном уровнях, роли в нем государства, эффективности агрегирования общественного выбора в сфере общественных благ, включая здравоохранение. Причем в качестве главной пружины структурирования новой реальности *должны выступить индивидуальные ценности* основной массы граждан с нацеленностью на формирование у них чувства защищенности, социальной справедливости, доверия к государству, т.е. уверенности в завтрашнем дне и в действенном патернализме со стороны государства. При этом политико-экономический подход к реализации индивидуальных ценностей системообразующих социальных игроков в общественном выборе под патронажем государства позволяет переосмыслить феномен авраль-ной организации государством работы национального здравоохранения в условиях экспоненциального роста инфицированных *COVID-19* и значительного количества летальных исходов.

***Вызовы COVID-19: неэффективная политика
национальных государств в сфере общественных благ
и глобальные экономические потери***

Сформировавшийся к 2020 г. экономико-центристский мир продемонстрировал пределы своего эффективного функционирования, породив грандиозные потери глобального ВВП, вызванные пандемией *COVID-19*. При этом не следует забывать, что в нашем контексте эти оценки соотносятся с макроэкономическими потерями, инициированными политическими просчетами национальных государств в организации сферы общественных благ за счет национального дохода во многих государствах. При этом следует подчеркнуть, что глобальные организации, созданные еще в прошлом веке странами мира, были также ориентированы на приоритеты макроэкономической и финансовой стабильности и поддерживали политические решения лидеров ведущих стран мира, согласующиеся с ними. Неслучайно в апрельском выпуске своих «Перспектив развития мировой экономики» за 2020 г. МВФ признает, что мир, оказавшись в условиях «Великой самоизоляции» в связи пандемией *COVID-19*, кардинально изменится после ее окончания. Практически все страны мира одновременно или в определенной последовательности друг за другом столкнулись с многочисленными кризисами: в здравоохранении, в государственных и частных финансах, в макроэкономике. Кризисную ситуацию усугублял обвал цен на биржевые товары, разногласия основных экспортеров энергетического сырья, рост безработицы, падение доходов населения и т.п. Последующая экономическая рецессия принимает беспрецедентные масштабы, превосходящие как глобальный кризис 2008–2009 гг. (см. рис. 3), так и Великую депрессию 1930-х гг.

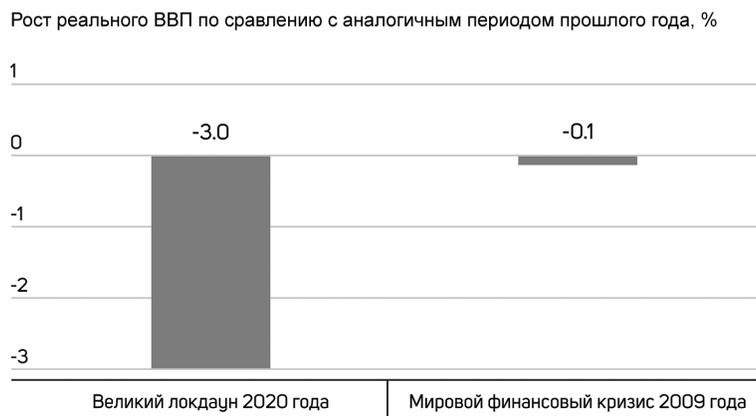

Рис. 3. Падение реального ВВП в условиях «Великой самоизоляции» 2020 г. и глобального финансового кризиса 2008–2009 гг.

Источник: [6].

Общие потери глобального ВВП в 2020 и 2021 гг. в результате пандемии *COVID-19* (см. рис. 4) предварительно оцениваются в 9 трлн долл. США, что равноценно ВВП Японии и Германии вместе взятым.

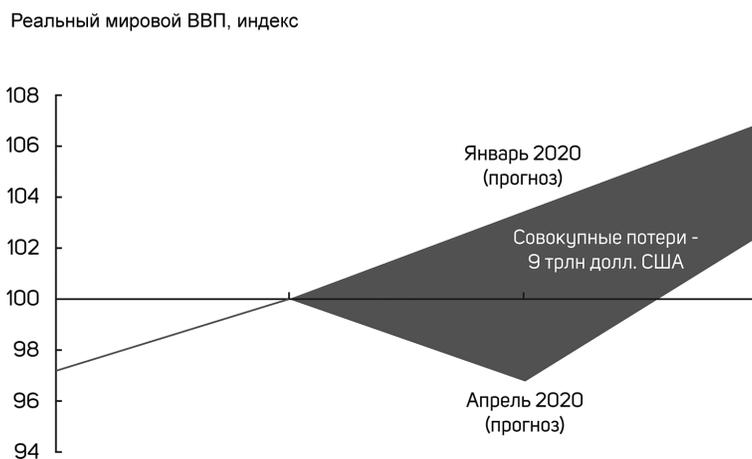

Рис. 4. Динамика глобального ВВП в условиях «Великой самоизоляции» 2020 г. и в 2018–2021 гг.

Источник: [6].

Впервые со времени Великой депрессии экономический спад коснется всех стран мира: с развитой экономикой, с формирующимся рынком и развивающихся (см. рис. 5). Причем этот прогноз МВФ ориентируется на то, что пандемия *COVID-19* пойдет на спад во второй половине 2020 г. В противном случае глобальный ВВП сократится еще больше: на 3% дополнительно в 2020 г. Если же пандемия продолжится и в 2021 г., то падение глобального ВВП увеличится еще на 8% в следующем году по сравнению с базисным сценарием МВФ в апреле 2020 г.

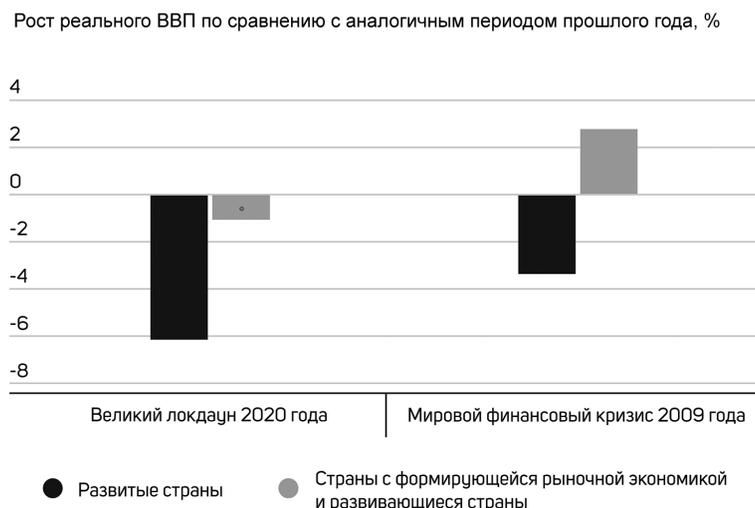

Рис. 5. Экономическая рецессия всех стран мира в 2020 г. в сравнении с глобальным финансовым кризисом 2008–2009 гг.

Источник: [6].

Надо отдать должное экспертам МВФ, которые констатируют резкое изменение мира, а прогноз дают только в рамках базисного сценария, очень приблизительно оценивая динамику ВВП по странам в ближайшей перспективе 2020–2021 гг. (см. табл. 2).

В 2020 г. МВФ прогнозирует экономическую рецессию в 157 странах мира из 194.

Падение ВВП США составит 5,9%, стран еврозоны – 7,5%. В странах с формирующимся рынком и развивающихся странах в целом падение будет на уровне 1,0%. Самые большие экономические потери будут в Венесуэле (–15%), Ливане (–12%), Греции (–10%), Хорватии и Черногории (–9%). В I квартале 2020 г. сильнее всего пандемия COVID-19 скажется на экономике Китая, ВВП которого сократится на 10,9%. Однако в годовом исчислении ВВП Китая возрастет на 1,2% в 2020 г. В январе–марте 2020 г. все страны БРИКС, за исключением Индии, и G7 столкнутся с сокращением ВВП – от –5% в Италии до –0,1 % в России. Второй квартал 2020 г. окажется тяжелым для Бразилии (–11%), России (–10,5%), Франции (–10%), Германии (–10%), Италии (–10%) [18]. По прогнозу МВФ, в 2020 г. от коронавируса серьезно пострадают экономики Италии и Испании, ВВП которых сократится на 9,1% и 8% соответственно. Однако уже в 2021 г. рост ВВП стран с развитой экономикой увеличится на 4,5%. Драйверами глобального роста в 2021 г. останутся Китай (+9,2%) и Индия (+7,4%). Страны с развивающимся рынком и развивающиеся страны обеспечат рост ВВП в целом на уровне +6,6%.

По прогнозу МВФ, российская экономика в 2020 г. сократится на 5,5% в сравнении с ее ростом на 1,3% в 2019 г. А в 2021 г. в России прогнозируется экономический рост на уровне 3,5%, что на 1,5 п.п. больше предыдущего прогноза МВФ.

Т а б л и ц а 2

**Влияние пандемии COVID-19 на динамику ВВП стран мира
за период 2019–2021 гг. (прирост реального ВВП в %)**

	Реальный ВВП, годовое процентное изменение		
	2019	2020 (прогноз)	2021 (прогноз)
Мировой объем производства	2,9	–3,0	5,8
Страны с развитой экономикой	1,7	–6,1	4,5
США	2,3	–5,9	4,7
Зона евро	1,2	–7,5	4,7
Германия	0,6	–7,0	5,2
Франция	1,3	–7,2	4,5
Италия	0,3	–9,1	4,8
Испания	2,0	–8,0	4,3
Япония	0,7	–5,2	3,0
Соединенное Королевство	1,4	6,5	4,0
Канада	1,6	–6,2	4,2
Другие страны с развитой экономикой	1,7	–4,6	4,5
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны	3,7	–1,0	6,6
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны Азии	5,5	1,0	8,5
Китай	6,1	1,2	9,2
Индия	4,2	1,9	7,4
АСЕАН-5	4,8	–0,6	7,8
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны Европы	2,1	–5,2	4,2
Россия	1,3	–5,5	3,5
Латинская Америка и Карибский бассейн	0,1	–5,2	3,4
Бразилия	1,1	–5,3	2,9
Мексика	–0,1	–6,6	3,0
Ближний Восток и Центральная Азия	1,2	–2,8	4,0
Саудовская Аравия	0,3	–2,3	2,9
Страны Африки к югу от Сахары	3,1	–1,6	4,1
Нигерия	2,2	–3,4	2,4
Южная Африка	0,2	–5,8	4,0
Развивающиеся страны с низкими доходами	5,1	0,4	5,6

Источник: [6].

Г. Гопинат [22] пишет в предисловии к докладу МВФ, что, как и в случае с войной или политическим кризисом, совершенно неизвестно, когда пандемия закончится. Однако с окончанием пандемии *COVID-19* наступает время ответить на извечные русские вопросы «кто виноват?» и «что делать?» Хотя уже сегодня, судя по официальным выступлениям некоторых национальных лидеров, например, президента Д. Трампа, можно судить, что, с одной стороны, *основные претензии общества будут предъявлены государству*, а с другой – все чаяния граждан вернуть свое прежнее материальное положение, а часто и социальный статус, будут также связаны с государством. При этом необходимо учитывать, что спорщики вокруг проблемы «кто виноват?» единодушны в том, что будущее абсолютно неопределенно, но глобальный мир, как, собственно, и национальные сообщества, станут совершенно другими после окончания пандемии *COVID-19*.

Партнерство государства и частного бизнеса в посткоронавирусном мире

Формирование основных контуров нового мира, подразумевающего и государство, и экономику, и институты, и социум в целом, будет сопровождаться глубочайшей экономической рецессией. Ее временные рамки во многом будут определяться длительностью пандемии коронавируса в мире, которая сегодня выступает главным фактором неопределенности будущего. Она несет в себе угрозу жизни многих людей, которые могут быть инфицированы *COVID-19* в разных уголках планеты и могут погибнуть от вируса. В результате возрастает неопределенность посткоронавирусного социума в будущем: он будет кардинально отличаться от экономико-центристской системы, сформировавшейся к 2020 г. Пределы ее развития стали очевидными в результате сокрушительного воздействия на нее пандемии *COVID-19*.

Так, государство и институционально обеспеченная им система здравоохранения оказались не в состоянии быстро и в короткие сроки купировать распространение коронавирусной инфекции, угрожающей жизни всех граждан, независимо от их социального статуса, уровня доходов и наличия финансовых активов. Все стали равными перед смертельной опасностью коронавируса. При этом авральные действия национальных государств по защите здоровья своих граждан фактически привели к разрушению экономико-центристской системы. Люди остались без средств к существованию, мелкие и средние предприниматели – без выручки, крупный и крупнейший бизнес – без прибыли, финансовых активов и вообще без сферы их привычной деятельности, а национальные государства – без текущих доходов, с быстро расходующимися бюджетными средствами и т.п. Экономические системы замерли в ожидании того, что же будет дальше. Выиграла только экосистема с ее очистившейся атмосферой в результате сокращения выбросов CO_2 .

Возникшие проблемы структурировались в одну фундаментальную под названием «контур будущего мира». Автор данной статьи постарается по признакам появившихся еще до *COVID-19* новых явлений в бизнесе выделить *только один аспект*, свидетельствующий о пересечении интересов государства и хозяйствующих субъектов относительно струк-

туры этого будущего мира. В данном случае речь идет о партнерах, которые потеряли много, а в ряде национальных случаев — вообще все. Поэтому партнерство государства и частного бизнеса, а также формы их кооперации, во многом будут предопределять структурирование и институциональную, и экономической реальности, ориентированной на ценность человека и его неисчерпаемые возможности в качестве своего фундаментального начала и главного критерия оценки эффективности принимаемых хозяйствующими субъектами решений во всех сферах жизнедеятельности социума.

Эти признаки «неопределенного будущего мира», очевидные еще до кризиса, связаны с провозглашением новых принципов ведения бизнеса руководством ряда ведущих корпораций мира до пандемии коронавируса.

Так, в конце 1990-х гг. руководители 181 ведущей компании США с числом занятых не менее 15 млн чел. скорректировали принципы корпоративного управления в декларации *Business Roundtable*, заявив о своих обязательствах «руководить своими компаниями к выгоде всех заинтересованных сторон — клиентов, сотрудников, поставщиков, местных сообществ и акционеров». При этом в перечне заинтересованных сторон (*stakeholders*) акционеры (*shareholders*) были поставлены на последнее место.

В 2006 г. под эгидой ООН были разработаны принципы ответственного инвестирования, к которым в конце 2010-х гг. присоединились более 2 300 компаний с активами в 85 трлн долл. Они одобрили необходимость оценки компаний по их влиянию на окружающую среду, по их социальной ответственности и качеству корпоративного управления (*Environmental, Social and Governance — ESG*). Таким образом, если с середины прошлого века принципы ведения бизнеса доминировали в интерпретации М. Фридмана «Социальная ответственность бизнеса — повышать прибыль» [23], то уже в конце 2010-х гг. об их кардинальных изменениях заявил Л. Финк, генеральный директор компании «*BlackRock*», управляющей активами в 6,3 трлн долл. По его убеждениям, «... правительства оказались неспособны подготовиться к будущему, люди ждут от компаний не только улучшения финансовых показателей, но и вклада в развитие общества, который бы принес выгоды как акционерам, так и потребителям и местным сообществам. Не ставя перед собой социальные цели, компании не смогут адекватно обеспечить инвестиции в сотрудников, инновации и капиталовложения, необходимые для долгосрочного роста» [24]. Эту точку зрения разделил генеральный директор другого гиганта — корпорации *Unilever* П. Полман: «Почему граждане этого мира должны сохранять компании, чья единственная цель — обогащение нескольких человек?» Оставив свой пост, он создал компанию *Imagine*, ориентирующуюся на помощь бизнесу в искоренении бедности и неравенства и в борьбе с фундаментальными изменениями климата на планете.

И действительно, в 2020 г. пандемия *COVID-19* обнажила такие проблемы экономико-центристской системы, которые государство не только не решило, а во многом и усугубило. Речь идет о падении уровня жизни; об имущественном расслоении граждан, которое ранее сглаживалось экономическим ростом; о разочаровании в политических решениях государств, неспособных обеспечить граждан необходимыми обществен-

ными благами, и, вследствие этого, о росте влияния идей популистов в разных странах мира; о подрыве доверия к корпорациям, которые максимизируют свои прибыли, игнорируя общественные ценности и т.п.

Учитывая все вышесказанное, можно утверждать, что рост социальной ответственности топ-менеджеров крупнейших корпораций мира свидетельствует о том, что растет значимость горизонтальных экономических связей, которые, видимо, будут доминировать в процессе формирования посткоронавирусного мира. Возрастание социальной ответственности бизнеса делает его заинтересованным в эффективном производстве общественных благ, хотя их предложение вменено обществом в обязанность государств. В этом контексте расширение партнерства частного бизнеса и государства в широкомасштабном и эффективном производстве общественных благ может привести к структурированию новой институциональной и экономической реальности. В этом будущем мире бизнес может стать более эффективным социальным игроком в сравнении с государством, поскольку вкладывает собственные инвестиционные ресурсы, и, следовательно, более заинтересован в их результативности и внедрении подхода *ESG (Environmental, Social and Governance)* для целей возвышения общечеловеческих ценностей. При этом норма доходности в таких компаниях не ниже средних по соответствующим отраслям. Так, доходность *MSCI KLD 400 Social Index*, для расчета которого отобраны акции 400 компаний, действующих на основе принципов высокой социальной ответственности, с 1994 по 2017 г. составила в годовом исчислении 10,06%, обогнав бенчмарк – *MSCI USA IMI Index*, доходность которого составила 10% годовых за тот же период.

Отсюда следует, что именно компании, придерживающиеся принципов *ESG* (высокой социальной ответственности), должны привлекаться к реализации социально значимых проектов на основе ГЧП. Это позволит восстановить экономическую основу социума в посткоронавирусный период в сегменте производства общественных благ, включая здравоохранение, науку и образование, общественную инфраструктуру и т.п. Причем вполне определенно просматривается замещение государственного бюджета частными капиталами в таких видах организации бизнеса, которые изменят роль государства в ГЧП-проектах, заменив его социально ответственным бизнесом. Это замещение государственных финансов негосударственными может означать *фундаментальный сдвиг* от перераспределяемых активов общества в руках государства в пользу функционирующих частных капиталов. Такая трансформация может, в конечном итоге, привести к возрастанию роли частных финансов (за исключением отраслей, критических для национальной безопасности и т.п.), выступающих как механизм перераспределения национального дохода.

По этой причине бизнесу *выгодно закрепить за государством обязанность* адекватного институционального обеспечения различных форм партнерства с ним, включая его частно-государственную организацию. Что же касается финансирования предложения общественных благ, то оно будет закрепляться за социально ответственным бизнесом. И тогда доминирование государства в обществе, его центральное место в сохранении целостности социума будут предопределяться не столько его бюджетными возможностями, сколько его идейным лидерством

в социуме, ориентирующимся на возвышение человеческих ценностей и на формирование социальной реальности с доминантой духовных приоритетов. В результате общество может сэкономить часть национального дохода за счет сокращения социальных расходов государства и их замещения инвестициями социально ответственного бизнеса.

Ниже приводится пример эффекта замещения бюджетных расходов государства на социально значимую инфраструктуру частными инвестициями на примере США, который был оценен до пандемии коронавируса. Даже при неизменной значимости показателя отдачи от масштабов, игнорирующего более высокую эффективность частных капиталовложений, результативность партнерства государства и бизнеса в сфере общественных благ (социально значимых инфраструктурных проектов) в 2009–2023 гг. была впечатляющей (см. табл. 3, рис. б).

Т а б л и ц а 3

Эффект замещения бюджетных расходов на социально значимую инфраструктуру частными инвестициями за период 2009–2023 гг. в США (в млрд долл. США)

Годы	Расходы бюджета государства, млрд долл. США	Капитальные расходы федерального бюджета на инфраструктуру, млрд долл. США	Эффект от масштаба в случае капитальных расходов федерального бюджета при условии привлечения на 1 бюджетный доллар 1 внебюджетного (млрд долл.)	Эффект от масштаба в случае капитальных расходов федерального бюджета при условии привлечения на 1 бюджетный доллар 2 внебюджетных (млрд долл.)	Эффект от масштаба в случае капитальных расходов федерального бюджета при условии привлечения на 1 бюджетный доллар 3 внебюджетных (млрд долл.)
2009	5 940,7083	962,3947	1 924,7895	2 887,1842	3 849,5789
2010	5 942,6265	962,7055	1 925,4110	2 888,1165	3 850,8220
2011	6 004,3250	972,7007	1 945,4013	2 918,1020	3 890,8026
2012	5 987,4900	969,9734	1 939,9468	2 909,9201	3 879,8935
2013	5 963,1510	966,0305	1 932,0609	2 898,0914	3 864,1218
2014	6 126,0080	992,4133	1 984,8266	2 977,2399	3 969,6532
2015	6 310,0730	1 022,2318	2 044,4637	3 066,4955	4 088,9273
2016	6 546,9830	1 060,6112	2 121,2225	3 181,8337	4 242,4450
2017	6 778,0520	1 098,0444	2 196,0888	3 294,1333	4 392,1777
2018	7 323,9571	1 186,4810	2 372,9621	3 559,4431	4 745,9242
2019	7 764,0295	1 257,7728	2 515,5456	3 773,3183	5 031,0911
2020	8 123,7791	1 316,0522	2 632,1044	3 948,1566	5 264,2088
2021	8 461,0653	1 370,6926	2 741,3852	4 112,0778	5 482,7703
2022	8 816,4447	1 428,2640	2 856,5281	4 284,7921	5 713,0562
2023	9 088,0475	1 472,2637	2 944,5274	4 416,7911	5 889,0548

Источник: [25].

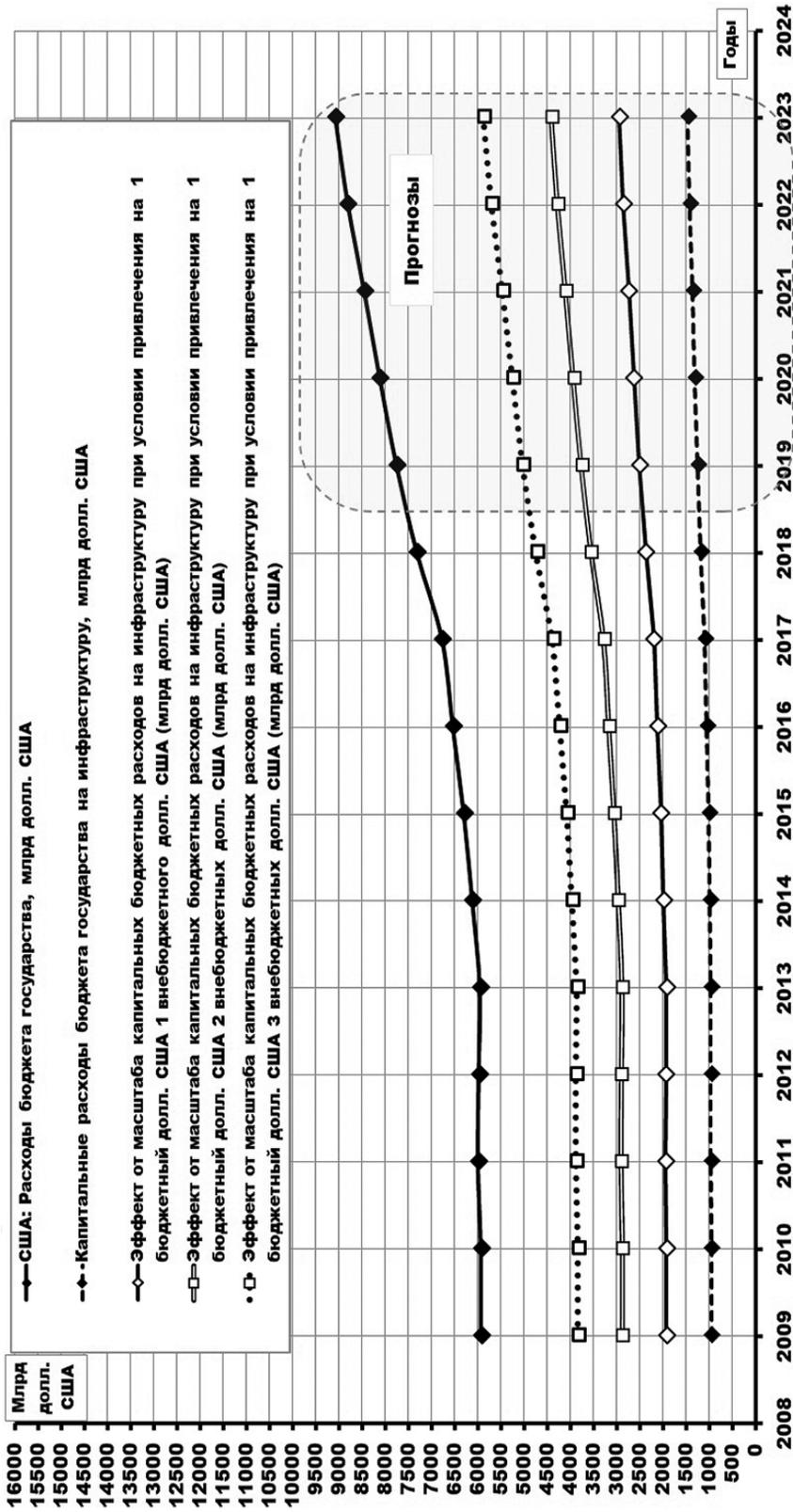

Рис. 6. США: эффект замещения бюджетных расходов на социально значимую инфраструктуру частными инвестициями в 2009–2023 гг. (в млрд долл. США)

Источник: на основе данных таблицы 3.

Наша позиция совпадает с мнением Л. Саммерса, подводящего итоги урокам, полученным национальными сообществами в 1990-е гг. [26]. Речь идет о приоритетной значимости качественных институтов, которые и предопределяют положительный эффект политики государства. С его точки зрения, обеспеченная эффективными институтами политика государства будет результативной даже при достижении невыполнимой (на 30%) цели. Напротив, в отсутствие адекватных институтов политика государства будет неэффективной даже при ориентации на реальные, вполне достижимые цели.

Другими словами, перспективность теоретического исследования феномена партнерства социально ориентированного частного бизнеса и государства в посткоронавирусном мире во многом будет связана с углублением отдельных положений новой политэкономии в части оценки эффективности общественного выбора государством на примере использования потенциала частного бизнеса в структурировании новой реальности. И речь здесь идет не только об экономии государственных расходов, но и о способности государства решать проблемы не столько с точки зрения финансовых вливаний в проекты, имеющие высокую социальную значимость, сколько в контексте их необходимого институционального обеспечения. Другими словами, в новых реалиях посткоронавирусного мира *государство должно учиться кооперироваться с обществом* в решении общественно значимых проблем, хотя бы в части выстраивания эффективного сотрудничества с частным бизнесом, одинаково выгодного для всех заинтересованных участников. Тем более что до пандемии потенциал формирования и расширения организационных структур партнерства (сотрудничества, кооперации) государства и бизнеса был огромен, а степень реализации – незначительной [27].

Кроме того, перспективным кажется переосмысление партнерства государства и частного бизнеса через призму агрегирования общественного выбора и формирования нового социального договора в посткоронавирусном социуме [28]. Партнерство государства и бизнеса попадает в центр теоретических и практических разработок в части выделения альтернативных институциональных механизмов разработки, принятия политических решений в различных сферах человеческой деятельности и обязательной оценки их эффективности с привлечением необходимой критериальной тестовой базы [29]. Тем более что до сих пор остаются нерешенными проблемы конфликта интересов между государством и обществом, которые могут быть рассмотрены через призму разнообразных форм организации ГЧП и механизмов их институционализации [30; 31].

Эффективность агрегирования коллективного выбора может быть достигнута в том случае, если будет обеспечена высокая отдача капитальных расходов государства и частных инвестиций, достижимая только при условии их адекватного институционального обеспечения со стороны государства. С годами потребность в ГЧП-проектах будет только увеличиваться [32]. Пандемия как минимум не ослабит данную тенденцию в ходе восстановительного периода. В результате можно ожидать расширения практики использования гибридных соглашений

по ГЧП-проектам, что позволит обеспечить не только адекватное поддержание уже действующих объектов инфраструктуры, но и реализацию большего количества долгосрочных капиталоемких инфраструктурных новостроек.

Другими словами, в условиях бюджетных ограничений и консолидации бюджетных фондов коллективный выбор объективно принимает форму совместного финансирования проектов развития общественно значимой инфраструктуры на условиях гибридных соглашений в форме ГЧП. Многообразие последних позволяет в каждом конкретном случае варьировать условия реализации проектов путем оптимизации распределения рисков между партнерами, разделения правомочий собственности между ними и т.п. В конечном итоге доказательством приемлемости той или иной организационной формы инфраструктурных ГЧП-проектов является степень минимизации трансакционных издержек для партнеров по трансакции.

Заключение

Итак, пандемия коронавируса разделила развитие глобального общества на до *COVID-19* и после. Кроме того, ее последствием уже стало осознание и политиками, и практиками того очевидного факта, что мир в начале 2020 г. оказался в новых социально-экономической и общественно-политической системах. Причем опыта борьбы с такой разрушительной пандемией ни у одной из современных локальных общностей нет, не было и практики купирования ее последствий в период глубочайшей посткоронавирусной рецессии. Именно поэтому каждая страна генерировала на собственном опыте проб и ошибок реализацию антипандемийных и антикризисных мер борьбы с *COVID-19* и с его последствиями.

Разрушения, нанесенные коронавирусной пандемией, беспрецедентные и с точки зрения человеческих жизней, и с позиций экономических потерь стран и глобального ВВП. При любом временном горизонте пандемии *COVID-19* все глобальное сообщество отброшено назад в развитии и перенесено в новую посткоронавирусную реальность. Она требует теоретического осмысления, поскольку коронавирус продемонстрировал остановку экономико-центристских систем, а будущее нового мира является полной неопределенностью.

В этой связи государству принадлежит особая роль в обеспечении функционирования всей социально-экономической системы формальными институтами. Именно оно дифференцирует экономических агентов-налогоплательщиков по группам, специфицирует права собственности для каждой из них с целью максимизации налоговых доходов в бюджет государства. Таков один из механизмов агрегирования индивидуальных предпочтений (ценностей) экономических агентов для целей их институционализации в форме общественного выбора. Однако эта модель дала сбой в условиях пандемии коронавируса, поскольку агрегированный государством общественный выбор в части развития национальной системы здравоохранения показал

свою полную неспособность быстро купировать инфекцию, угрожающую жизни всех граждан.

В итоге *государство выступает главной стороной*, которой предъявляются претензии в связи с неадекватным агрегированием индивидуальных ценностей в национальных обществах, что поставило под угрозу не только жизни людей, но и само существование экономико-центристской национальной системы. Она сформировалась в качестве социально-экономической целостности именно к началу 2020 г., и пандемия остановила ее в условиях полной изоляции граждан. При этом посткоронавирусная реальность будет выстраиваться в процессе выбора национальными сообществами и государством адекватных формальных институтов, способных возродить бизнес-среду для экономических агентов, сократить хозяйственные риски и создать стимулы для капиталовложений частного бизнеса и стимулы для активной жизнедеятельности граждан, которые были вырваны из социума в условиях борьбы с коронавирусом. При условии быстрого выхода из посткоронавирусной рецессии граждане смогут рассчитывать на восстановление их материального благосостояния, социального статуса. Но это произойдет только в случае, *если государство устранит искажения в общественном выборе* и восстановит в качестве его основы общечеловеческие ценности; осознает новые механизмы структурирования социальной реальности за счет участия в этом процессе всех заинтересованных участников национального сообщества. В этой связи и все политические решения государства будут рассматриваться в качестве эффективных только при условии их ориентации на индивидуальные предпочтения граждан, на общечеловеческие ценности.

В этом контексте подход с позиций новой политической экономии к исследованию перспективности партнерства государства и частного бизнеса в структурировании будущей социальной реальности представляется исключительно актуальным. Новые аспекты институционализированного партнерства в форме ГЧП могут использоваться в качестве механизма структурирования будущей социальной реальности на национальном уровне, формирования новой национальной модели общественного выбора и тестирования роли государства с учетом вызовов посткризисного глобального мира.

Список литературы

1. COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University. URL: <https://gisanddata.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6>.
2. World Bank Group and COVID-19 (coronavirus). URL: <https://www.worldbank.org/en/who-we-are/news/coronavirus-covid19>.
3. *Reinhart C.V., Rogoff K.S.* This Time is Different: Eight Centuries of Financial Folly. Princeton: Princeton University Press, 2009.
4. Интервью профессора А. Аузана. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/04/2020/5e902e8b9a79479dc4a29234>.
5. *Besley T., Coate S.* On the Public Choice Critique of Welfare Economics // *Public Choice*. 2003. N 114 (3). P. 253–273.

6. IMF. World Economic Outlook. April 14, 2020.
7. Гурьев С. ВВП или жизни людей // Ведомости. 26.03.2020.
8. Шваб К. Какой капитализм нам нужен // Ведомости. 02.12.2019.
9. Besley T. The New Political Economy. The Keynes lecture delivered at the British Academy on October 13th 2004.
10. Alt J., Crystal A. Political Economics, University of California Press, 1983.
11. Persson T., Tabellini G. Political Economics: Explaining Economic Policy, Cambridge, MIT Press, 2000.
12. Reeves M., Carlsson-Szlezak Ph., Whitaker K., and Abraham M. Sensing and Shaping the Post-COVID Era. The BCG Henderson Institute. April 3, 2020.
13. Соколов А. Готово ли российское здравоохранение к борьбе с коронавирусом // Ведомости, 09.04.2020.
14. Healthcare Expenditure Statistics. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Healthcare_expenditure_statistics.
15. Бюджет. Министерство финансов Российской Федерации. URL: <https://www.minfin.ru/ru/performance/budget>.
16. Корепанова С. Почему США не справляются с эпидемией COVID-19 // Ведомости. 13.04.2020.
17. Musgrave R. The Role of the State in the Fiscal Theory // Public Finance in a Changing World / ed. by P. Birch Sorensen. London: Macmillan, 1998.
18. Блауг М. Методология экономической науки или как экономисты объясняют. М.: Дело ЛТД, 1994.
19. North D.C. Structure and Change in Economic History. N.Y., 1981.
20. Arrow K.J. Political and Economic Evaluation of Social Effects and Externalities // The Analysis of Public Output / ed. by Margolis J. N.Y., 1970.
21. Alchian A.A. Specificity, Specialization, and Coalitions // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1984. Vol. 140. N 1.
22. The Economist. Coronavirus Sinks Global Growth Prospects for First Half of 2020: Q2 global forecast 2020. A Report by The Economist Intelligence Unit. April 8, 2020.
23. Friedman M. The Social Responsibility of Business Is to Increase Its Profits // The New York Times, September 13. 1970.
24. Edgecliffe-Johnson A. Beyond the Bottom Line: Should Business Put Purpose Before Profit? // Financial Times, January 4. 2019.
25. Vaslavskaya I. Public-Private Partnership and Financing the Development of National Infrastructure: Safeguarding Public Finance Sustainability // Social, Economic, and Environmental Impacts Between Sustainable Financial Systems and Financial Markets (Practice, Progress, and Proficiency in Sustainability (PPPS) Book Series) / ed. by M. Ziolo. USA: IGI Global, 2020. P. 150–174.
26. Summers L.H. Development Lessons from the 1990s, forthcoming in Timothy Besley and Roberto Zaghera (eds), Development Challenges in the 1990s: Leading Policy Makers Speak from Experience. Washington DC: The World Bank, 2004.
27. Ваславский Я.И., Ваславская И.Ю. Государственно-частное партнерство: Институциональный подход: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2019.
28. Buchanan J.M. The Public-Choice Perspective. In: Essays on the Political Economy. Honolulu: University of Hawaii Press, 1989.
29. Myerson R.B. Incentives to Cultivate Favored Minorities under Alternative Electoral Systems, American Political Science Review. 1993. N 87(4). P. 856–869.
30. Barro R. The Control of Politicians: An Economic Model, Public Choice. 1973. N 14. P. 19–42.
31. Ferejohn J. Incumbent Performance and Electoral Control, Public Choice. 1986. N 50. P. 5–25.
32. Ваславский Я. Государственно-частное партнерство: перспективы развития общественно значимой инфраструктуры // Федерализм. 2019. № 4. С. 75–94.

AGGREGATION OF PUBLIC CHOICE: PARTNERSHIP OF THE STATE AND BUSINESS IN STRUCTURING POST-CORONAVIRUS REALITY

The COVID-19 pandemic has seriously damaged national socio-economic systems, causing the deepest economic recession since the Great Depression. Social reality has been divided into the period before and after COVID-19. Neither nation-states, nor national health systems, nor economic-centrist national communities, nor national models of public choice aggregation have managed stand the test of the coronavirus pandemic. Post-coronavirus reality will begin to form after the completion of the COVID-19 pandemic and will be based on completely different principles of functioning. That is why even today theorists and practitioners are thinking about the future of the post-crisis world, the hallmark of which is absolute uncertainty. The methodological approaches developed by the new political economy make it possible to rethink the phenomenon of partnership between the state and private business as a mechanism to assess the effectiveness of alternative options for the institutional structure of the new reality, the functions of the state in society with universal values in its basis, in models of aggregation of public choice, etc., taking into account the realities of the post-coronavirus world.

Keywords: coronavirus pandemic, formal institutions, individual values, national health system, policy of the state, public choice, public-private partnership, the structure of the post-coronavirus world

JEL: E22, H54

Дата поступления – 22.04.2020 г.

ВАСЛАВСКИЙ Ян Ильич

кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории; ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» / проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, 119454.

e-mail: vaslavsky@yandex.ru

VASLAVSKIY Yan I.

Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Political Theory; Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) / 76, Vernadsky Av., Moscow, 119454.

e-mail: vaslavsky@yandex.ru

Для цитирования:

Ваславский Я. Агрегирование общественного выбора: партнерство государства и бизнеса в структурировании посткоронавирусной реальности // *Федерализм*. 2020. № 2. С. 51–75.